

И. С. Якубович

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛУВИИ – ДРЕВНЕЙШЕГО АРЕАЛА
ОБИТАНИЯ ЛУВИЙЦЕВ

В статье рассматривается местоположение Лувии, известной из древнехеттских законов как одна из частей царства Хаттусы, уроженцы которой обладали меньшими правами, чем хетты. Поиск методом исключения среди всех регионов, в которых присутствие носителей лувийского языка зафиксировано в позднем бронзовом веке, позволяет с большой долей вероятности локализовать Лувиию в западной части Центральноанатолийского плоскогорья («Нижней стране» новохеттских источников). В статье подвергнута критике распространенная идентификация Лувии с Арцавой, территорией, прилегающей к эгейскому побережью Малой Азии. В методологическом плане обосновывается необходимость подхода к данной проблеме на основании комплексного анализа первичных источников, а не их интерпретации в последующей традиции.

Ключевые слова: Лувия, Арцава, Киццувадна, Хаттуса, Нижняя страна, лувийский язык, хеттский язык.

Одной из нерешенных проблем исторической географии Ближнего Востока является локализация территории, известной из хеттских источников как Лувия¹. Этот географический термин встречается несколько раз в древнехеттских законах, однако контексты его употребления не способствуют четкой локализации. Актуальность данной проблемы определяется, в первую очередь, этимологической связью между топонимом Лувия и наречием *luwili* «на лувийском языке», неоднократно встречающимся в хеттских инструкциях и ритуалах. Как известно, в позднем бронзовом веке лувийский язык был распространен наряду с хеттским и рядом других языков на территории многонационального государства Хаттусы, которую часто не вполне аккуратно именуют Хеттским царством². После

Якубович Илья Сергеевич – кандидат филологических наук, Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Многие из положений настоящей статьи уже отражены в различных разделах англоязычной монографии Yakubovich 2010. Тем не менее, здесь они подверглись существенной переработке, не только в плане изменения композиции, но и с учетом многочисленных публикаций по данной теме, увидевших свет за последние пять лет. В ряде случаев они заставили меня пересмотреть свои прежние выводы, а в других позволили продвинуться дальше по пути этнолингвистической реконструкции.

² В качестве примера употребления распространенного, но не вполне аккуратного термина «хеттское царство» см. заглавие работы Георгадзе 2000. Для обозначения государства

распада империи Хаттусы в начале XII в. до н.э. лувийский становится основным письменным языком так называемых постхеттских княжеств (Neo-Hittite States), возникших на ее обломках на территории юго-восточной Анатолии и северной Сирии. Локализовав Лувию, возможно получить представление об ареале компактного проживания лувийцев, предшествующем их расселению по различным частям Малой Азии³.

Локализация Лувии как таковая никогда не находилась в поле основных интересов И.М. Дьяконова, однако вопрос о распространении лувийского языка играет важную роль в его монографии, посвященной этногенезу армянского народа. В частности, там отмечается, что «южная часть полуострова [Малая Азия] и горы Тавра были заняты племенами лувийцев, диалекты которых относятся к юго-восточной группе анатолийских языков»⁴. При этом юго-восточная подгруппа противопоставляется северо-западной, в которую, в частности, включаются хеттский и лидийский языки. Подобная конфигурация, имеющая недвусмысленные импликации для этнической истории Анатолии, возможно, связана с тем, что в фокусе внимания Дьяконова находилась роль лувийского языка в постхеттских княжествах, таких, как Мелид, потенциально имевших также важное значение для армянского этногенеза. Дьяконов подчеркивает, что «языки анатолийских племен, обитавших к западу от хеттов и лувийцев во II тыс. до н.э., нам не известны»⁵. Вместе с тем, «важнейшей из лувийских областей», согласно Дьяконову, являлась Арцава, которую современные исследователи единодушно помещают в западной части Малой Азии. Однако в 60-х годах прошлого века данный вопрос еще оставался дискуссионным, и сам Дьяконов с недоверием относился к такой локализации, поскольку в I тысячелетии до н.э. на территории западной Анатолии был распространен лидийский язык, принадлежащий к анатолийской группе, но не являющийся потомком лувийского⁶.

Между тем важность княжества Арцавы для лувийского этногенеза является достаточно традиционным постулатом анатолистики. Это связано с тем, что Арцава выступает как эквивалент Лувии в одной из поздних версий древнехеттских законов (см. ниже). По мере того, как локализация Арцавы в эгейском бассейне приобретала общепризнанный характер, гипотеза о западной прародине лувийцев также набирала популярность. В первой коллективной монографии, посвященной

Хаттусы в хеттских текстах использовалась составная гетерограмма ^{KUR URU}HATTI. Относительно чтения псевдоаккадограммы HATTI как «Хаттуса» см. Weeden 2011, 244–248. В настоящей статье для периодизации истории государства Хаттусы используются термины Древнее царство (середина XVII – конец XV в. до н.э.), Раннее Новое царство (первая половина XIV в. до н.э.) и империя Хаттусы (вторая половина XIV – начало XII в. до н.э.). Данная периодизация следует монографии Вруссе 2005.

³ Разумеется, данный тезис не стоит понимать механистически, учитывая, например, очевидное различие между Францией и прародиной франков. Существенно, однако, что как Лувия, так и *luwili* являются экзонимами внутри одной и той же традиции, и второй термин образован от первого. Иными словами, носители хеттского языка, имея дело с лувийцами, распространившимися по всему государству Хаттусы, использовали для обозначения их языка производное от названия одной из исторических областей данного государства. При таких условиях гипотеза о Лувии как локальной прародине лувийцев является наиболее вероятным предположением.

⁴ Дьяконов 1968, 26–27.

⁵ Дьяконов 1968, 28.

⁶ Дьяконов 1968, 26, прим. 37.

Карта. Древняя Анатолия в XIV в. до н.э.

лувийцам, предложен сценарий экспансии лувийского языкового сообщества на юго-восток. Тревор Брайс, автор исторического раздела монографии, предположил, что в XVII в. до н.э. «[я]зыковые сообщества лувийцев занимали обширные территории в западной половине Анатолии⁷. (...) К середине второго тысячелетия до н.э. группы лувийцев распространились на юг и восток, заняв значительную часть южной Анатолии, от области (классической) Ликии на западе до (классической) Памфилии, Писидии, Исаврии, Ликаонии и, наконец, Киликии на востоке»⁸. Брайс осторожно заключает, что такие миграции могли являться продолжением общеанатолийского движения на юго-восток, с Балкан в Малую Азию⁹.

Вместе с тем, ряд исторических соображений противоречат предложенному этнолингвистическому сценарию. Ожидается, что этнические группы, совершившие обширные миграции, должны поддаваться археологической идентификации, но на данный момент не существует такой вещи, как общепризнанная лувийская археология, поскольку «локальные археологические традиции западного прибрежного региона, а также эгейско-восточноанатолийской контактной зоны, всецело отличны от традиций Центральной Анатолии»¹⁰. Если принять, что миграция лувийцев на восток произошла после образования царства с центром в Хатгусе, то мы сталкиваемся с дополнительной проблемой того, как объяснить полное молчание хеттских источников об этом событии. Сценарий мирной экспансии, которому содействовало бы экономическое превосходство лувийцев, остается неубедительным, пока не выявлены специфические экономические преимущества лувийских

⁷ Bryce 2003, 28.

⁸ Bryce 2003, 31.

⁹ Bryce 2003, 40.

¹⁰ Taracha 2006, 148, там же ссылки. Ср. сходную оценку в работе Sari 2013, 209 и там же карту на с. 325.

групп. Политическая раздробленность Малой Азии, которой характеризуется период до XVII в до н.э., и высокий статус хеттского языка в Хаттусе в последующий период затрудняют принятие сценария резкого языкового сдвига от хеттского к лувийскому в Центральной Анатолии, не сопровождавшегося демографической мобильностью.

Поскольку ни проблема локализации Лувии, ни проблема этногенеза лувийцев не имеют простого однозначного решения, представляется правильным их комплексное рассмотрение с применением исторических, филологических и лингвистических методов.

ГЕОГРАФИЯ ЛУВИЙСКИХ ТЕСТОВ

Материалы лувийского языка периода бронзового века, имеющиеся в нашем распоряжении, характеризуются широким географическим распределением. К сожалению, данная классификация не претендует на исчерпывающий характер, поскольку релевантная историческая и филологическая информация очень часто отсутствует.

Наибольший по объему корпус лувийских текстов бронзового века связан с Киццувадной на юго-западе Анатолии. Лувийские заклинания в ритуале Царпии (СТН 757) должны были быть записаны на диалекте Киццувадны, т.е. той территории, которая указана в качестве места происхождения исполнителя этого ритуала¹¹. Хотя у нас отсутствует точная информация об этнической принадлежности заклинательницы Куваталлы и «старой женщины» (^{MUNUS}ŠU.GI) Силаллухи (СТН 759–762), историки религий также соотносят ритуалы, связанные с этими женщинами, с группой Киццувадны, поскольку в них имеется примесь хурритских элементов. В текстах, приписываемых Куваталле и Силаллухи, упоминаются несколько хурритских / сирийских божеств, таких как Хебат (KUB 9.6 ii 6), Шаушка (KUB 35.82 7) и Нинатта (KUB 35.71 iii 3). С другой стороны, имя Силаллухи упоминается в ритуале Аммихатны в хурритском контексте¹². Ритуал Пуриянни (СТН 758) может быть связан с тем же регионом, поскольку группа лувийских словосочетаний, встречающихся в данном тексте, находит почти идентичные соответствия в ритуалах, приписываемых Куваталле / Силаллухи. Стоит отметить, что заклинания из ритуалов Пуриянни и Куваталлы / Силаллухи содержат прозрачное западносемитское заимствование *halāl(i)*- «чистый», которое, судя по всему, не встречается в хеттских и лувийских текстах за пределами Киццувадны. С хронологической точки зрения данная группа, по-видимому, является относительно однородной, отражая практику начала XIV в. до н.э.¹³

Принято считать, что хеттские/лувийские тексты из районов за пределами Киццувадны в целом характеризуются меньшим хурритским влиянием¹⁴. В частности, вариант лувийского языка, на котором говорили в Нижней стране хеттских источников, совпадающей с Центральноанатолийским плоскогорьем, возможно, отражен в коротких заклинаниях, включенных в ритуал Туннавии (СТН 409). Хотя «старая женщина» Туннавия практиковала в Хаттусе, ее имя связывает ее со священной горой Тунна и одноименным городом (известен как Тинна в эллинистический период),

¹¹ Starke 1985, 50

¹² Haas-Wilhelm 1974, 6.

¹³ Краткое филологическое описание ритуалов данной группы содержится в работе Bawanypeck 2013, 166–168.

¹⁴ Singer 1981, 124.

расположенными в Нижней стране¹⁵. Мелчерт подчеркивает, что лексемы *tappas*-«небо» и *tiyamm(i)*- «земля», встречающиеся в ритуале Туннавии, обнаруживают явное сходство с диалектом Киццувадны¹⁶. Тем не менее, Миллер убедительно показывает, что по своей ритуальной традиции СТН 409 отличается от текстов из Киццувадны¹⁷. Лувийские формы, разбросанные по текстам, относящимся к культу Хувассанны (СТН 690–694), также могут отражать диалект Нижней страны, поскольку почитание этой богини было связано с городом Хубисна (эллинистическая Кибистра) в Центральной Анатолии¹⁸. Это, конечно, крайне бедный корпус, даже с учетом вероятности того, что некоторые лувийские заклинания, чье происхождение не может быть с точностью определено, также относятся к Нижней стране¹⁹.

Наше знание лувийских диалектов, на которых говорили в районе Хаттусы, опирается на источники двух типов. С одной стороны, имеется большой корпус лексем, соответствующий тому, что было неудачно обозначено как *Glossenkeilsprache*²⁰. Лувийские вкрапления, приписываемые царю Хаттусы и высокопоставленным лицам имперского периода, вряд ли представляют собой результат посредничества лувийских писцов, и поэтому должны рассматриваться, как исходящие от авторов соответствующих текстов²¹. С другой стороны, в нашем распоряжении имеются иероглифические надписи последних царей Хаттусы. Хотя расположение некоторых из памятников (например, алтарей EMIRGAZI) отдалено от Хаттусы, я полагаю весьма вероятным, что авторство данных текстов действительно принадлежит царю или царской администрации²².

В некоторых случаях невозможно точно установить, отражает ли определенный текст тот вариант лувийского языка, на котором говорили в Хаттусе, или в Нижней стране, хотя первая гипотеза представляется предпочтительной. Это, в частности, актуально для хеттских ритуалов, записанных древним и средним пошибом и содержащих чередующиеся лувийские и палайские фрагменты (СТН 752)²³. То же самое можно сказать и о сценарии праздника СТН 665, который отражает хеттский государственный культ, но содержит лувийские пассажи²⁴. Люди-*asusala*, играющие, очевидно, ключевую роль в этом тексте, замещаются в его поздней версии соответствующим лувийским термином *asusat(t)alla*²⁵. По всей вероятности, в ри-

¹⁵ Hutter 2003, 248, ср. Yakubovich 2013, 102 и прим. 58.

¹⁶ Melchert 2013, 168.

¹⁷ Miller 2004, 255–258.

¹⁸ del Monte, Tischler 1978, 117, 439.

¹⁹ Краткий филологический обзор текстов с лувизмами из Нижней страны см. в работе Wawanureck 2013, 169–170.

²⁰ Такой термин был предложен в монографии Bossert 1944 задолго до появления обобщающих работ по лувийской диалектологии.

²¹ Иначе Rosenkranz 1954, где явления интерференции с лувийским языком в хеттских текстах связываются с растущим влиянием группы лувийских писцов при дворе Хаттусы. Данная гипотеза является неприемлемой, поскольку анализ параллельных версий хеттских текстов показывает, что писцы в процессе копирования скорее способствовали устранению лувийских вкраплений, помеченных глоссовым клином.

²² Подробнее о проблеме хетто-лувийского двуязычия в Хаттусе в XIII в. до н.э. см. van den Hout 2006.

²³ Starke 1985, 39–42.

²⁴ Starke 1985, 270–294.

²⁵ О лувийском происхождении суффикса *-atalla-* см. Melchert 2005, 456. Согласно Хокинсу, позднелувийский инфинитив **azzusatallaūna* «ехать верхом на лошади» (ВОНСА § 10), вероятно, не является когнатом этого слова, поскольку ничего из действий должност-

туальной практике древнехеттского периода использовались вассальных княжеств Лувии и Палы. Поскольку точные границы Палы неизвестны²⁶, можно только сказать в связи с этим, что соответствующие лувийские заклинания должны были происходить из центральной части Анатолии, находившейся под властью Хаттусы в период Древнего царства²⁷.

Самая западная территория, которая может быть связана с сохранившимися фрагментами клинописных текстов на лувийском языке, – это бассейн р. Сангарий. Группа текстов, посвященных культовым практикам города Истанува и содержащих лувийские поэтические отрывки (СТН 771–772), предписывает жертвоприношения для (обожествленной) реки Сахирия²⁸. Нам известно из других источников, что река Сахирия была расположена где-то между Хаттусой и Арцавой²⁹. Идентификация этого гидронима с рекой Сангарий эллинистических источников и современной рекой Сакарья представляется заманчивой. Единственной проблемой, касающейся этой гипотезы, является упоминание вслед за рекой Сахария божества *hurlas* ^d*Inar* «Инар хурритов» в одном из хеттских пассажей, относящихся к культу Истанувы³⁰. Однако общая структура истанувского пантеона, по-видимому, не имеет признаков хурритского влияния³¹. Поскольку «Инар хурритов», вероятно, не является автохтонным теонимом, а, скорее, представляет собой результат синкретизма, привнесенного извне, я склоняюсь к тому, чтобы отвергнуть точку зрения, согласно которой это обозначение божества является свидетельством хурритского влияния на религию Истанувы³². Для полноты следует также упомянуть «Песни Лаллупии», которые сохранены в том же виде, что и песни «Песни Истанувы», но в меньшем количестве (СТН 773).

Ограниченное количество иероглифических текстов бронзового века происходят из западной Анатолии, включая территорию княжества Арцава. Подавляющее большинство из них состоят из личных имен и идеограмм, что препятствует точной идентификации языка, на котором они написаны. Впрочем, в последнее время

ных лиц *asusatalla-*, относящихся к культу, не говорит об их связи с лошадьми (Hawkins 2000, II, 480a).

²⁶ Последняя работа, частично посвященная локализации Палы – это диссертация Шелестин 2014, где обсуждение данного вопроса со ссылками на более раннюю литературу можно найти на с. 127–133.

²⁷ Хуттер предполагает, что лувийские фрагменты СТН 665 происходят из Киццувадны, даже если сам ритуал был записан и, возможно, оформлен в Хаттусе (Hutter 2003, 250–251). По моему мнению, для такого утверждения нет оснований. По-видимому, Хуттер основывает это утверждение на отсутствии языковых различий между лувийским языком в тексте СТН 665 в ритуалах Киццувадны, но этот аргумент будет убедительным, только если удастся показать, что в отрывке СТН 665 представлены структурные инновации ритуалов Киццувадны, что маловероятно.

²⁸ del Monte, Tischler 1978, 152.

²⁹ del Monte, Tischler 1978, 545.

³⁰ Starke 1985, 322.

³¹ Haas 1994, 582–583.

³² Независимым, хотя и вспомогательным, аргументом в пользу присутствия лувийцев в долине реки Сакарья являются примеры контактов между лувийским и фригийским языками. Возможные лексические заимствования из лувийского языка во фригийский разбираются в работе Gorbachov 2008, 100–107. К этому можно добавить весьма нетривиальное соответствие между лувийской и фригийской формулами проклятия (Lubotsky 1998, 420). Последний известный мне русскоязычный обзор контактных явлений между двумя языками содержится в работе Баюн 2007.

появились и свидетельства использования анатолийских иероглифов в эгейском регионе для передачи менее стереотипных текстов. Кроме того, предпринятая Орешко колляция граффити SURATKAYA позволила ему высказать предположение, о том, что одно из них содержит последовательность силлабограмм $^{\prime}a^{\prime}-[w] a/i-ta p[u]-pa-[t]á$ вслед за именем и титулом «царского сына» Лаххи³³. Интерпретация самого Орешко «я пишуший» (vel sim.), предполагает, что текст следует читать по-лувийски. В то же время, ни одна из западноанатолийских иероглифических надписей не содержит отсылок ко времени до завоевания Арцавы царем Хаттусы Мурсили II в конце XIV в. до н.э., что совместимо с гипотезой о влиянии Хаттусы на развитие иероглифической традиции в данном регионе. Следует также отметить, что в дошедших до нас ритуалах из Арцавы, в отличие от ритуалов из Киццувадны и Хаттусы, никогда не используются лувийские заклинания.

Наконец, имеются лувийские тексты периода бронзового века, содержащие противоречащие друг другу указания на собственное происхождение. Например, это касается мифа об игнорируемых божествах и выполнявшегося параллельно ритуала (СТН 764)³⁴. Хотя упоминание хурритского бога Нубадига встречается в KUB 35.108 iv 13, анализ всего текста не говорит в пользу глубокого хурритского влияния. Самые важные божественные персонажи в тексте – это Камрусеп и ее сын, божество-покровитель города Тауриса. Следует отметить, что Камрусеп, вероятно, изначально относилась к пантеону Канеша³⁵, в то время как город Тауриса был расположен в районе Циппаланды, в центральной части царства Хаттусы³⁶. Существование хеттских редакций этого мифа, содержащих лувийские слова в качестве окказиональных вкраплений, говорит в пользу процесса его постепенной адаптации при помощи писцов из Хаттусы.

С другой стороны, многочисленные лувийские фрагменты не содержат никакой филологической информации, позволяющей построить гипотезы об их происхождении. К этой группе, в частности, принадлежат многие лувийские магические заклинания, обозначаемые как СТН 765 и 767. Их анонимный характер препятствует просопографическому анализу, а специфические параллели с текстами известного происхождения отсутствуют. По моему мнению, многие заклинания этой группы, вероятно, имели фольклорный характер, откуда следует, что они могли использоваться одновременно в различных частях лувийской ойкумены. Для определения диалектной принадлежности соответствующих текстов необходимо обращаться к лингвистическим критериям, которые остаются за рамками настоящей статьи.

ЛУВИЯ И ЛУВИЙЦЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ

Единственный источник, в котором топоним «Лувия» упомянут эксплицитно, это древнехеттские законы, чья точная датировка является предметом дискуссий³⁷. Поскольку абсолютная хронология древнехеттского языка остается спорной, наиболее правдоподобным ориентиром при решении этой проблемы на сегодняшний день служат исторические, а не лингвистические соображения. До сих пор, насколько мне известно, единственный исторический аргумент в

³³ Oreshko 2013: 353.

³⁴ Starke 1985, 236–241.

³⁵ Klinger 1996, 157.

³⁶ Haas 1994, 816.

³⁷ Различные трактовки этой проблемы суммированы в работе Hoffner 1997, 229–230.

пользу создания древнехеттской версии законов в период царствования Мурсила I – это упоминание персонажа *ABI LUGAL* «отец царя», который обычно отождествляется с Хаттусили I в § 55 законов³⁸. Релевантный отрывок, однако, выбивается из остального текста в плане его дескриптивного характера, и поэтому может быть вставкой из другого источника. Напротив, частое противопоставление ранних юридических норм в царстве Хаттусы и новых установлений, что можно проиллюстрировать примером 4 (см. ниже), становится понятнее в контексте судебных реформ Телипину, и поэтому я склоняюсь к тому, чтобы отдать предпочтение этой более поздней датировке (XVI век до н.э. согласно средней хронологии)³⁹.

Первое упоминание Лувии встречается в § 5, посвященном убийству торговца. В сравнении с обычными убийствами это преступление каралось более крупным штрафом, вероятно, поскольку убийство иностранного купца могло привести к подрыву международной торговли. Жители Лувии и Палы были обязаны возместить украденную собственность в дополнение к оплате штрафа, в то время как население Хаттусы было, по-видимому, освобождено от этого обязательства. Многие исследователи полагают, что хетт. *unattalla-* представляет собой анатолийское обозначение «торговца», соответствующее шумерограмме ^{LÚ}DAM.GÀR, и потому считают, что преступники из области Хаттусы несли ответственность за доставку трупа торговца для его правильного захоронения⁴⁰.

- (1) КВо 6.2 i 3–6 СТН 291.1.a.A (OS)⁴¹
 takku ^{LÚ}DAM.GÀR kuiski kuēnzi 1 ME MA.NA KÙ.BABBAR pāi
 parna=ssē=a suwayizzi takku *INA* ^{KUR}LUWIYA nasma *INA* ^{KUR}
^{URU}PALĀ 1 ME MA.NA KÙ.BABBAR pāi āssu=ssett=a sarnikzi
 nasma *INA* ^{KUR} ^{URU}HATTI nu=zza unattallan=pat amuzzi
 «Если кто-нибудь убьет купца, он заплатит сто мин серебра и
 поручится² своим домом. Если (это) в стране Лувия или в
 стране Пала, он заплатит сто мин серебра и возместит его
 имущество. Если (это) в стране Хаттусы, он только доставит
unattalla-».

Другие релевантные контексты древнехеттских законов помещают рядом область Хаттусы и Лувию, не упоминая страну Пала. Общая тема §§ 19–21 законов – это похищения людей из Хаттусы в Лувию и наоборот. Приведенные ниже примеры недвусмысленно показывают, что «люди Хаттусы» и «люди Лувии» противопоставлялись, скорее, как различные этнические группы, чем как жители

³⁸ Hoffner 1997, 66–67.

³⁹ Разумеется, имеется гипотетическая возможность того, что хетты (неситы) имели своды законов еще до царствования Мурсила I, и что этот монарх начал реформировать старые нормы. Однако едва ли вероятно, что царство Хаттусы, включившее в себя Лувию, могло существовать до начала правления Хаттусили I, отца Мурсила.

⁴⁰ Слово *unattalla-* встречается только в этом контексте, и у него отсутствует надежная этимология. Написание с единичным *-n-* затрудняет его традиционное сравнение с хетт. *unnai-* «вести», отстаиваемое в монографии Weeden 2011, 187. Мелчерт предполагает в качестве альтернативы, что оно может представлять собой лувийское заимствование, отражающее более раннее **usnatalla-* «торговец» (Melchert 2015, 411). Убедительность данной гипотезы зависит от того, значило ли *unatala-* «купец» и может ли быть доказано развитие *-sn-* > *-n-* в истории лувийского языка.

⁴¹ Hoffner 1997, 19.

отдельных географических регионов, поскольку эти примеры позволяют говорить о «людях Хаттусы», живущих в стране Лувия, и наоборот. Можно легко заметить, что данные статьи законов неизменно демонстрируют благосклонность к «людям Хаттусы» в сравнении с «людьми Лувии», но предоставляют правовую защиту обеим группам. Поскольку неправдоподобно, чтобы древнехеттские законы противопоставляли хаттов и лувийцев, не упоминая хеттов, то можно допустить, что в этот период выражение «люди Хаттусы» уже использовались, в том числе, и для обозначения носителей хеттского языка.

- (2) КВо 6.2.i.36–38, СТН 291.1.a.A (OS)⁴²
 [takku LÚ.U₁₉].LU-an LÚ-n=a=ku MU[NUS-n=a=ku URU^{URU}Hattusaz kuiski LÚ^{URU}Luīs tā]yizzi n=an ANA^{KUR}Luwi[ya p]ēhutezzi [ishas=sis=an] ganeszi nu É-ir=set=pat arnuzzi
 «[Если какой-нибудь лувиец] похитит свободного, мужчину или женщину, [из страны Хаттусы] и уведет его в страну Лувия, а хозяин его узнает, (похититель) потеряет (досл. доставит) свой дом».
- (3) КВо 6.2.i.39-41, СТН 291.1.a.A (OS)⁴³
 [takku URU^{URU}Hattusi=pat LÚ^{URU}HATTI LÚ^{URU}Luīn kuiski tāyizzi [n]=an ANA^{KUR}Luwiya pehutezzi karū 12 SAG.DU piskir kinun=a 6 SAG.DU pāi parna=ssē=a suwayizzi
 «[Если] прямо в Хаттусе какой-нибудь человек Хаттусы похитит лувийца и уведет его в страну Лувия, раньше давали 12 человек, теперь (похититель) отдаст 6 человек и поручится[?] своим домом».
- (4) КВо 6.2.i.42-44, СТН 291.1.a.A (OS)⁴⁴
 [takku AR]AD LÚ^{URU}HATTI IŠTU^{KUR}Luwiya LÚ^{URU}HATTI kuiski tāyizzi [n]=an ANA^{KUR URU}HATTI uwatezzi ishas=sis=an ganeszi nu=ssi [1]2 GÍN KÜ.BABBAR pāi parna=ssē=a suwayizzi
 «[Если] какой-нибудь человек Хаттусы похитит из Лувии раба (другого) человека Хаттусы и приведет его в страну Хаттусы, а хозяин его узнает, (похититель) заплатит [1]2 шекелей серебра и поручится[?] своим домом».
- (5) КВо 6.2.i.45-47, СТН 291.1.a.A (OS)⁴⁵
 [takk]u ARAD LÚ^{URU}Luwiumanas IŠTU^{KUR}Luwiya kuiski tāyizzi n=an ANA^{KUR URU}HATTI uwatezzi ishas=sis=an ganeszi nu=zza ARAD-ŠU=pat dāi sarnikzil NU.GÁL
 «Если кто-нибудь похитит раба лувийца из Лувии и приведет его в страну Хаттусы, а хозяин его узнает, (он) заберет только своего раба, возмещения не будет».

Нам сложно согласиться с мнением Брайса, когда он утверждает, что эти статьи законов необязательно значили, что Хаттуса осуществляло какую-либо форму политического или административного контроля над регионом, обозначенным термином Лувия⁴⁶. Гипотеза о том, что примеры 2–5 представляют тип дипломати-

⁴² Hoffner 1997, 29–30.

⁴³ Hoffner 1997, 30.

⁴⁴ Hoffner 1997, 31.

⁴⁵ Hoffner 1997, 31.

⁴⁶ Bryce 2003, 29.

ческого соглашения между двумя странами, выглядит совершенно произвольной. Хотя соглашения между хеттами и их соседями часто предписывают экстрадицию гражданских пленников, они никогда не подчеркивают роль инициативы частных лиц в данных вопросах. С другой стороны, рассматриваемые статьи предписывают жертвам похищения требовать прямой компенсации со стороны тех, кто похитил их рабов. Признавая, что мы имеем дело с условием, обеспеченным правовой санкцией, следует заключить, что Хаттуса и Лувия находились под одной юрисдикцией во время составления законов. Тот факт, что пример 3 упоминает сокращение штрафа, что имеет многочисленные параллели в других статьях законов, и предположительно тем самым отражает судебные реформы Телипину, подкрепляет тот же вывод.

Наконец, наличествует контекст, в котором Лувия противопоставляется «чужбине» (*ANA^{KUR}kūruri*). Точнее говоря, последнее предложение примера (6) противопоставляется ситуациям, когда беглый раб пойман поблизости, «на этой стороне реки», «на той стороне реки» и, наконец, в Лувии. Каждая из этих ситуаций предполагает большее вознаграждение, чем предыдущая, но все они отличаются от бегства *ANA^{KUR}kūruri*, когда беглый раб не должен возвращаться своему господину. Хеттская лексема *kūrur* сама по себе может означать «вражда» и поэтому данное выражение часто переводится как «до враждебной страны»⁴⁷, однако определение той или иной страны как «враждебной» более уместно в политическом документе, чем в тексте законов. Предлагаемый здесь перевод «до чужбины» исходит из того, что беглый раб, достигший территории, лежащей за пределами юрисдикции Хаттусы, больше не принадлежит своему прежнему владельцу, и поэтому с ним можно обойтись, как с обычным пленником. В любом случае, данный контекст подтверждает статус Лувии, как удаленной территории, на которую, тем не менее, распространялось законодательство Хаттусы.

- (6) KBo 6.2.i.51-53, CTH 291.1.a.A (OS)⁴⁸
 takku ARAD-as huwāi n=as *ANA^{KUR}*Luwiya paizzi kuis=an appa
 uwate[zzi] nu=sse 6 GÍN KÛ.BABBAR pāi takku ARAD-as huwāi n=as
*ANA^{KUR}*kūruri an[da] paizzi kuis=an appa=ma uwatezzi n=an=za
 apās=pat dāi
 «Если раб сбежит и уйдет в Лувию, кто бы ни привел его назад,
 (хозяин) ему заплатит 6 шекелей серебра. Если раб убежит и дойдет до
 чужбины, то кто бы ни привел его назад, тот и возьмет его себе».

Хотя топоним Лувия встречается в поздних копиях древнехеттских законов (см. ниже), он отсутствует в оригинальных средне- и новохеттских сочинениях. Напротив, употребление наречия *luwili* прежде всего характерно для среднехеттского периода (первая половина XIV в. до н.э.). В частности, соотнесенность между данным наречием и лувийским языком выявляется на основании среднехеттского ритуала Царпии из Кищувадны, где за вводным предложением действительно следует заклинание по-лувийски. Использование лувийского в качестве гостевого языка в хеттском ритуале, вероятно, обусловлено необходимостью повышения иллюкативной силы заклинания.

⁴⁷ Cp. Hoffner 1997, 32: “into an enemy country”.

⁴⁸ Hoffner 1997, 32.

- (7) KUB 9.31 ii 20–24, СТН 757.В (NS)⁴⁹,
 nu luwili kissan hukkiskizzi^d Ša-an-ta-aš
^dAn-na-ru-um-mi-en-zi aš-ha-nu-wa-an-ta ku-in-zi wa-aš-ša-an-ta-ri
^dLu-u-la-hi-in-za-aš-tar hu-u-up-pa-ra-za ku-in-zi hi-iš-hi-ya-an-ti
 «Он так заклинает по лувийски: “Бог Санта, Боги Аннарумми, носящие окровав-
 ленные (одеяния), повязывающие перевязи богов Лулаххи...”»

Кроме того, наречие *luwili* несколько раз встречается в хеттских инструкциях, дающих предписания относительно церемоний в Хаттусе эпохи Раннего Нового царства. При этом характер ситуационного переключения кодов между хеттским и лувийским языками говорит в пользу ассоциации хеттского языка с высшими слоями населения Хаттусы, а лувийского языка – с его основной частью. Показательным здесь является пример (8), несмотря на его фрагментарный характер. Получив приказание по-хеттски «человек золотого копья», по-видимому, передает его обычным копейщикам по-лувийски. Уткинс вполне правдоподобно полагает, что данное переключение кодов отражает социальную иерархию при царском дворе Хаттусы, где носители хеттского языка занимали более высокое положение, чем носители лувийского⁵⁰. Зингер подходит к данному фрагменту с несколько иной точки зрения, предполагая, что армия являлась важным каналом для проникновения лувийцев в Хаттусу. В пользу своей трактовки он приводит военные чины ^{LÚ}*duyanalli*- «второй по званию» и ^{LÚ}*tarriyanalli*- «третий по званию», которые имеют лувийское происхождение и встречаются в той же инструкции⁵¹.

- (8) IBoT 1 36 iv 42-46, СТН 262 (MH/MS)⁵²
 42. māhhan=ma dun[nakkesna/i]x[]
 43 uizzi nu ANA LÚ.[ŠUKUR.GUŠKIN? -]li [kiss]an
 44. halzāi udan[du=war=at]
 45. LÚ.ŠUKUR.GUŠKIN=ma []x ANA LÚ.MEŠ.ŠUKUR luwili
 46. kissan halzā[i]x
 «А когда в покои [...] придет и «человеку [золотого копья]»
 по-хеттски так
 прикажет: “Пусть принесут [его]”, а «человек золотого копья» [...]]
 копейщикам по-лувийски так прикажет: [“...”]».

Другой иллюстрацией широкого употребления лувийского языка в Хаттусе периода Раннего Нового царства, является контраст между хурритскими и лувийскими обращениями к Иштар-Шаушке и Пирингир, инкорпорированными в среднехеттский гиппологический текст. Вполне естественно, что к данной паре богов было решено обращаться на обоих языках распространенных в Киццувадне, поскольку с хеттской точки зрения эти боги были связаны с пантеоном Киццувадны⁵³. Однако хурритское заклинание дается в транслитерации, что хорошо согласуется со статусом хурритского как письменного языка в Анатолии позднего бронзового века, тогда как лувийская версия дана в переводе. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о том, что потенциальными читателями предписания должны были

⁴⁹ Starke 1985, 53

⁵⁰ Watkins 2004, 574.

⁵¹ Singer 2005, 448–451.

⁵² Güterbock, van den Hout 1991, 38.

⁵³ О тесной связи между Пирингир и Иштар-Шаушкой в ритуалах из Киццувадны см. Miller 2004, 366–367.

быть хеттские и лувийские билингвы, у которых не должно было возникнуть трудностей с обратным переводом данного сообщения на лувийский.

- (9) KUB 29.55 i 5–10, СТН 285.1 (МН/MS)⁵⁴, Kammenhuber 1961: 150
nu ^dPirin[kir ^dIŠTAR] halzihi nu hurlil[i kissan...] iš-ši-ya-na-a-
ša pa-a-a[h²-ri²-e²...] ^dPi-ri-in-kir₈ ^dIŠ[TAR...] luwili=ma=at
ki[ssan...] ANA ANŠE.KUR.RA.HI.A anda a[ssuli...] ardumat [...] «(Тогда) я призываю Пирингир [и Шаушку]. По-хурритски [так я говорю]: “[...] хорошо (к) лошадям, Пирингир и Шаушка”. А по-лувийски так [я говорю]: “К лошадям хорошо[...] прибывайте».

Тем не менее, игнорирование лувийского языка в письменном дискурсе Раннего Нового царства предполагает понижение его социального статуса. Очевидно, хеттские элиты стали воспринимать лувийский в первую очередь не как региональный диалект, а как разговорный язык, используемый основной частью населения Хаттусы. С этим, вероятно, связано и отсутствие упоминаний Лувии в текстах данного периода. Таким образом, данные XIV в. до н.э. свидетельствуют об изменении лингвистической ситуации в Анатолии по сравнению с XVI в. до н.э. и имеют меньшее значение для локализации лувийской прародины.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ЛУВИИ

Естественно предположить, что территория, известная как Лувия из древнехеттских законов, была одним из регионов распространения лувийского языка. Однако если принять, что Лувия являлась периферией Древнего царства Хаттусы на момент их написания, данное допущение существенно сужает круг поиска среди потенциальных лувоязычных регионов.

В частности, неправдоподобным кандидатом является регион Киццувадны, поскольку он уже отделился от царства Хаттусы к началу правления Телипину, который вел переговоры с местным царем Испутасу на равных⁵⁵. Кроме того, известно, что в начале XVIII в. до н.э. как минимум часть данной территории принадлежала княжеству Мама, управлявшемуся царем с хурритским именем Анум-Хирби⁵⁶. Это хорошо согласуется с особенностями диалекта Киццувадны, отражающими субстратное влияние хурритского языка⁵⁷. Вероятным политическим контекстом для миграции хеттских и лувийских групп населения в области к югу от Тавра являлась экспансия первых царей Хаттусы – Хаттусили I и Мурсили I. Поэтому даже если предположить, что хеттские законы отражают период до отпадения Киццувадны от Хаттусы, все равно отождествление Киццувадны с Лувией, т.е. с лувийским регионом *par excellence*, представляется невероятным.

⁵⁴ Kammanhuber 1961, 150

⁵⁵ Недавнюю дискусию паритетных договоров между Хаттусой и Киццувадной см. в работе Шелестин 2012. Следует также отметить, что в тексте «Воззвание Телипину» (СТН 19) в перечне земель, ставших враждебными Хаттусе в период правления Аммуны, который царствовал до Телипину, упоминается Адания. Этот топоним, идентифицируемый с современным городом Адана, указывает на регион, который позднее относился к Киццувадне (Бруссе 2005, 102).

⁵⁶ Miller 2001.

⁵⁷ Якубович 2013, 129–130.

Многие исследователи настаивали на отождествлении Лувии с Арцавой, исходя из чередования между этих топонимов в поздней версии древнехеттских законов (о чем см. ниже). Такая гипотеза, однако, ведет к парадоксальным результатам. Приходится либо принять, что Лувия / Арцава являлась составной частью Древнего царства Хаттусы⁵⁸, либо допустить, что соответствующие статьи древнехеттских законов представляли собой разновидность международного соглашения. Первая гипотеза противоречит известным историческим фактам. Арцава несколько раз упоминается в хеттских текстах времен Древнего царства в качестве цели военных походов Хаттусы. Согласно анналам Хаттусили I (СТН 4), грабительский поход на Арцаву, предпринятый этим царем, произошел незадолго до хурритского вторжения и восстаний в центре его царства⁵⁹. Разнообразные описания похода на Арцаву того же царя или его сына Мурсила I (СТН 13) слишком фрагментарны, чтобы составить полное представление о деталях, но очевидно, что война с хурритами положила конец и этому походу⁶⁰. Сложно представить себе, чтобы последующий период, в целом характеризовавшийся ослаблением Древнего царства Хаттусы, оказался временем установления его контроля над Арцавой, который, однако, был снова утерян ко времени Раннего Нового царства, когда произошло новое усиление Хаттусы.

Гипотеза о том, что Лувия выступала в качестве равноправного партнера Хаттусы, уже критиковалась в предыдущем разделе на основании анализа соответствующих статей древнехеттских законов. Хоффнер, без сомнения, прав в своем заключении, что асимметричное положение хеттов и лувийцев было бы несовместимо с равноправным статусом Лувии и Хаттусы на момент составления законов⁶¹. Кроме того, учитывая, что термин Арцава уже использовался в исторических хрониках Древнего царства, при любом сценарии остается неясным, почему в древнехеттских законах нужно было использовать термин Лувия для того же региона. А отсутствие лувийских заклинаний в ритуалах из Арцавы, в отличие от ритуалов из Кищувадны и Хаттусы, говорит против доминирующей роли лувийского языка в данном регионе. Все эти соображения позволяют с уверенностью отвергнуть отождествление Лувии и Арцавы на момент составления древнехеттских законов, а причины более позднего смешения между двумя терминами будут обсуждаться ниже.

Регион Хаттусы по определению принадлежал к Древнему царству, и мы видели, что лувийский язык играл важную роль в Хаттусе периода Раннего Нового царства. Прогрессирующий языковой сдвиг от хеттского к лувийскому языку в Хаттусе послужил предпосылкой сохранения лувийского в качестве единственного письменного языка в большинстве постхеттских княжеств. Однако, как мы видели выше, противопоставление Хаттусы и Лувии в древнехеттских законах исключает тождество между двумя топонимами.

Таким образом, в нашем распоряжении остались две лувоязычные территории: Центрально-анатолийское плоскогорье, соответствующее Нижней стране хеттских источников, а также бассейн реки Сангарий (Сакарья), где, по-видимому, был расположен город Истанува. Сделать выбор между этими двумя вариантами не так просто, но имеются соображения, подталкивающие к заключению, что в древ-

⁵⁸ Так, например, Hoffner 2002.

⁵⁹ de Martino 2003, 36–38.

⁶⁰ de Martino 2003, 138–140.

⁶¹ Hoffner 2002, 187.

нехеттский период Лувия должна была включать как минимум часть Центрально-анатолийского плоскогорья, расположенную к западу от реки Кызылырмак.

Во-первых, данный регион находился достаточно близко от Хаттусы и продолжал ей принадлежать даже во времена относительной слабости царства Хаттусы, совпадающей с правлением Телипину⁶². Поэтому его упоминание в древнехеттских законах выглядит вполне логичным. Кроме того, у нас нет информации о распространении в данном регионе в позднем бронзовом веке других языков, кроме хеттского, отражавшего политическое господство Хаттусы, и лувийского, по-видимому, принадлежавшего местному населению. Наконец, естественно предположить, что носители хеттского языка использовали термин Лувия в отношении территории, на которой они впервые начали контактировать с лувийским населением. Самообозначение хеттского языка как неситского (ср. хеттские наречия *nisili/nāsili*, *nesumnili* «на неситском/хеттском языке») связано с древним топонимом Неса, который был идентифицирован с поселением Кюльтепе неподалеку от Кайсери в центральной Анатолии⁶³. Граница предполагаемой здесь прародины лувийцев располагалась непосредственно к западу от данного региона, на расстоянии нескольких дней караванного пути по долине реки Кызылырмак. Близкое соседство между неситами и лувийцами объясняет, в частности, наличие лувийских заимствований в староассирийских документах из Канеша – Несы⁶⁴ и явления структурной интерференции между двумя языками, имевшие место в доисторический период⁶⁵.

Дальнейшее соображение, которое может быть релевантно для данной дискуссии, заключается в отсутствии географического обозначения Нижней страны (KUR *ŠAPLITI*) в хеттских источниках, предшествующих правлению Суппилулиумы I (середина XIV в. до н.э.). Вполне возможно, что данный квази-синоним заменил Лувия в условиях, когда старое обозначение перестало быть дескриптивно адекватным в связи с переселением большого числа лувийцев в другие области царства Хаттусы⁶⁶. В этом отношении ситуация с Нижней страной принципиально отличается от Хаттусы, Арцавы и Киццувадны, чьи названия засвидетельствованы уже в древнехеттских текстах.

Дополнительный, хотя и не решающий аргумент, говорящий в пользу предложенной локализации Лувии, имеет этимологический характер. Можно предположить, что имя *Luwija* является дериватом от лув. **lūwV-* «равнина», когнатом и.-е. **louko-* «равнина, поле», которое дало вед. *loká-* «открытое пространство, мир», лит. *lāukas* «поле» и др.-англ. *lēah* «луг, поле». Озвончение **lóukV-* > **lóugV-* является примером общеанатолийской лениции взрывных согласных между двумя безударными мора-

⁶² Bryce 2005, 104.

⁶³ История изучения этнической принадлежности населения Канеша обсуждается в работе Alp 1997.

⁶⁴ Dercksen 2007.

⁶⁵ Якубович 2014.

⁶⁶ Стоит отметить, что термин KUR *ELITI* / KUR *UGU-TI* «Верхняя страна» также не встречается в хеттских источниках, предшествующих «Деяниям Суппилулиумы». Возможно, данный термин заменил обозначение области Хаттусы в период, когда термин Хаттусы по преимуществу употребляется для обозначения империи в целом. В работе Yakubovich 2014 отстаивается этимологическая преемственность между хеттской интерпретацией термина «Нижняя страна» как *katta pedan* (буквально «Страна внизу») и древнеперсидским топонимом *Katpatuka* (*k-t-p-t''-u-k-*), использовавшимся для обозначения сатрапии Каппадокия.

ми⁶⁷, в то время как последующее интервокальное развитие *g > *Ø > *w/u можно проиллюстрировать лув. *tuwatar(i)*- < и.-е. **dhugh₂ter*- «дочь». В качестве типологической параллели для предполагаемого семантическому развитию можно упомянуть *Polska* «Польша» и название восточнославянского племени полян, выводимые из праслав. **polje* «поле». Разумеется, предложенная этимология была бы чисто спекулятивной, если бы не обозначение страны *Pedassa / Pidassa*, которую вероятно следует искать на равнине, омываемой верхним течением реки Сакарья⁶⁸, т.е. на территории смежной с предполагаемым местоположением Лувии. Данный топоним может быть сопоставлен не только с хетт. *pēda*- «место», но также с греч. πεδίον «равнина», что более удовлетворительно с семантической точки зрения. Вполне возможно, что одним из первичных значений хетт. **pēda*- было именно «равнина».

Наконец, раннее и значительное лувийское присутствие в регионе к северо-западу от Канеша имеет смысл с геополитической точки зрения, поскольку позволяет считать Пурусханду лувийским политическим центром в период ассирийских факторий. Известно, что могущественное царство Пурусханда располагалось на западе Центральноанатолийского плоскогорья в начале II тыс. до н.э. Царь Пурусханды был единственным анатолийским сувереном, в отношении которого в табличках, предшествующих царствованию Анитты, использовался титул «великий князь»⁶⁹. Данная ситуация явно претерпела изменения с хеттскими завоеваниями Анитты, которые достигли своей кульминации с капитуляцией царя Пурусханды. Анитта получил от него в подарок железный трон, который, по-видимому, следует интерпретировать как местный символ высшей власти, и переселил этого царя в Несу в качестве привилегированного вассала⁷⁰. Вероятно, именно в связи с данными событиями Анитта, носивший титул *rubā'u*- «князь» в ранний период своей деятельности, принял титул *rubā'u-rabū*- «великий князь», отражавший его новые притязания на верховную власть над всей Малой Азией⁷¹.

Прогресс в анатолийской исторической фонологии и морфологии позволил исследователям обнаружить большое число лувийских лексических заимствований, введенных в хеттский язык в период до 1400 г. до н.э. В частности, Мелчерт приводит список из почти 75 явных или вероятных лувийских заимствований в древнехеттском, при этом 11 из них встречаются в текстах, записанных древнехеттским пошибом⁷². Количество идентифицированных хеттских заимствований в лувий-

⁶⁷ См. формулировку данного звукового закона у Adiego 2001.

⁶⁸ Hawkins 2013, 10.

⁶⁹ Larsen 2002, 157.

⁷⁰ См. Bryce 2005, 39, с литературой.

⁷¹ Ср. Garelli 1963, 64. Использование титула «великий князь» в Канеше не было последовательным. Так, царь Цуццу, который правил Канешем после Анитты, назван в табличке из Кюльтепе (Kt. 89/k 370 35) *rubā'u*- «князь», однако в Kt. 89/k 369 1 он именуется LUGAL.GAL «великий царь». Важно, однако, что титул «великий царь / князь» никогда не использовался в Канеше до царствования Анитты.

⁷² Melchert 2005. Данное число должно рассматриваться лишь в качестве приблизительной оценки, поскольку лувийское происхождение отдельных слов из списка не является достоверным, а древнехеттский статус отдельных произведений, использовавшихся для компиляции, сомнителен. Так, Мелчерт полагает, что «Руководство для служителей храма» (СТН 264) является древнехеттским, однако, насколько можно судить, данный текст не содержит древнехеттских лингвистических особенностей, а отмеченное в нем распределение клитик =*asta* и =*kan* характерно для среднехеттского (Oettinger 1976, 67–70). С другой стороны, руководства как хеттский литературный жанр, по-видимому, не предшествуют царствованию Тудхалии I (начало XIV в. до н.э.).

ских текстах бронзового века остается существенно меньшим. Если принять вслед за Зингером, что лувийский был доминирующим языком в царстве Пурусханды⁷³, то лувийские заимствования в древнехеттский получают естественное объяснение как след лувийского суперстрата.

К сожалению, вопрос о точной локализации Пурусханды остается дискуссионным. Согласно традиционной точке зрения, ее следует идентифицировать со слоями бронзового века городища Аджем-Гёюк, на южном берегу Солёного озера в центральной Анатолии. Данная гипотеза хорошо совместима с локализацией Лувии на Центральноанатолийском плато. В последние годы, однако, все больший вес приобретает альтернативная гипотеза Барьямовича, сформулированная на основании кропотливого анализа староассирийских письменных источников и передвигающая Пурусханду далее на запад, вероятно, в район озера Акшехир на границе центральной Анатолии и эгейского бассейна⁷⁴. Согласно той же гипотезе, важный город Салативар, входивший в сферу влияния Пурусханды, располагался в долине реки Сакарья. Если принять гипотезу Барьямовича, появляется возможность отодвинуть локальную прародину лувийцев на северо-запад от Конийского плато, включив в него часть бассейна реки Сакарья. Возможно ли совместить такой результат с предлагаемой локализацией Лувии?

Ключом к решению данной проблемы могут стать недавние наблюдения турецкого археолога Дениз Сары⁷⁵. Автор указывает, что так называемая «хеттская керамика» (Hittite Ware) зародилась во внутренней части западной Анатолии (классической Фригии) в 2100–1800 г. до н.э., т.е. в период староассирийских факторий. Отсюда она распространилась в последующий переходный период на всю излучину Кызылырмака, что и дало повод к ее традиционному наименованию. Сама же Сары связывает распространение «хеттской керамики» с экспансией лувийцев. Разумеется, механическое сопоставление между распространением керамики и языковым сдвигом было бы крайне упрощенным подходом, однако в данном случае оба этих явления хорошо укладываются в один и тот же исторический сценарий. Внутренняя часть западной Анатолии, т.е. район Пурусханды и Салативара, лежала на границе зоны торговли ассирийских купцов, и поэтому ее население должно было получать от этой торговли наибольшую выгоду, являясь посредником в экспорте олова и тканей дальше на запад. Возросшее материальное состояние в данном регионе могло привести, с одной стороны, к росту населения, а с другой, к улучшению качества потребительских товаров, включая керамику. Кроме того, оно должно было способствовать росту политического могущества Пурусханды. Впоследствии как избыточное население, так и избыточные товары, вероятно, начали распространяться на восток вдоль существующих торговых путей. Согласно предлагаемой модели, экспансия модной «хеттской керамики» достигла Хаттусы

⁷³ Singer 1981, 130. Ср. уже у Мелларта: «Реконструкция И. Зингера, касающаяся этнополитико-языковой модели, существовавшей в течение периода Кюльтепе, ... весьма поучительна. В ней он помещает царства Пурусханда и Салативар, завоеванные Анитой Куссарским, на лувоязычную территорию, что могло бы объяснить появление Лувии, части Древнего царства Хатти в своде законов наравне с Палой, расположенной к северо-западу от реки Галис» (Mellaart 1981, 142). Еще недвусмысленнее Форланини: «В начале II тыс. до н.э. три главных полиса – Пурусханда, Канеш и Хаттуса – боролись за лидерство. Отражали ли они уже тогда этнолингвистическое деление на лувийцев, хеттов и хаттов?» (Forlanini 2007, 278).

⁷⁴ Barjamovic 2008.

⁷⁵ Sari 2013.

уже к периоду Древнего царства, а переход на лувийский язык затронул на данном этапе, в первую очередь, Конийское плато. Это и послужило причиной его обозначения как Лувии в древнехеттских законах.

Разумеется, предлагаемый сценарий распространения лувийского языка из региона Пурусханды на сегодняшний день является спекулятивным и нуждается в дополнительных подтверждениях. Напротив, полная или частичная идентификация Лувии с западной частью Центральноанатолийского плоскогорья опирается на последовательный анализ методом исключения, и поэтому следует признать ее наилучшей из возможных гипотез.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

Пришло время сопоставить приведенные выше лингвистические заключения с предполагаемыми филологическими аргументами, приводимыми в пользу идентификации Лувии с княжеством Арцава, располагавшемся на эгейском побережье Малой Азии. Следует сразу же отметить, что все эти аргументы основываются на источниках, удаленных от Лувии в пространстве или во времени. Поэтому, прежде чем перейти к их анализу, следует упомянуть контраргумент, обладающий тем же недостатком, но, тем не менее, являющийся более убедительным, чем филологические аргументы, приводимые ниже.

Как справедливо отмечал И.М. Дьяконов, центральная часть западной Анатолии в середине I тыс. до н.э. была заселена лидийцами, чей язык не является потомком лувийского. При этом речь идет не только об официальном языке, поскольку большинство дошедших до нас лувийских надписей были составлены частными лицами. При отсутствии убедительного сценария лидийских миграций, подтвержденного историческими или археологическими данными, наиболее экономной гипотезой является автохтонность носителей лидийского языка. Это, разумеется, не означает, что они являлись единственной группой, населявшей территорию классической Лидии в бронзовом веке, а лувоидные имена аристократии Арцавы, известные из хеттских источников, скорее свидетельствуют о противном. Тем не менее, смешанный характер населения западной Анатолии является дополнительным аргументом против реконструкции прародины лувийцев в данном регионе (ср. обсуждение ситуации в Кищувадне в предыдущем разделе).

Возвращаясь к филологическим аргументам в пользу идентификации Лувии и Арцавы, отметим, что в данном контексте чаще всего упоминается замещение Лувии Арцавой в поздней версии древнехеттских законов. Чаще всего приводится аргумент о наличии Арцавы в поздней версии Хеттских законов. Пошиб и орфография текста КВо 6.3, из которого взят пример (11), совместимы с гипотезой о датировке данной таблички XIV в. до н.э.

- (10) КВо 6.2.i.36–37, СТН 291.1.a.A (OS)⁷⁶
[takku LÚ.U₁₉].LU-an LÚ-n=a=ku MU[NUS-n=a=ku^{URU}Hattusaz
kuisi LÚ^{URU}Luīs tā]yizzi n=an ANA^{KUR} Luwi[ya p]ēhutezzi
«[Если какой-нибудь лувиец] похитит свободного, мужчину или
женщину, [из страны Хаттусы], и уведет его/ее в страну Лувия...»

⁷⁶ Hoffner 1997, 29–30.

- (11) KBo 6.3 i 45–46, СТН 291.1.b.A (OH/NS)⁷⁷
 ʽtakku LÚ.U₁₉.LU-an LÚ-ann=a=kuʽ MUNUS-n=a=ku URU^{URU}Hattusaz
 kuis[ki] LÚ^{URU}Luwiyas tāyizzi n=an ANA^{KUR URU}ARZAWA pēhutezzi
 «Если какой-нибудь лувиец похитит свободного, мужчину или
 женщину, из страны Хаттусы, и уведет его/ее в страну Арцава...»

Чередование между (10) и (11) привело часть исследователей к заключению о том, что Лувия и Арцава обозначали одно и то же образование уже во времена первой компиляции законов. Так, Хоффнер придерживается взгляда о том, что Лувия / Арцава имела такие политические связи с Древним царством, что законодательные акты Хаттусы распространялись на ее граждан⁷⁸. Однако свидетельства в пользу равнозначности топонимов Лувия и Арцава в период Древнего царства отсутствуют. Как уже отмечалось выше, старейшая версия древнехеттских законов изображает Лувиию как страну, находящуюся под юрисдикцией Хаттусы, а Арцава появляется в анналах первых царей Хаттусы как цель их грабительских походов.

Представляется, что замещение Лувии Арцавой в КВо 6.3 должно рассматриваться в контексте того исторического периода, когда составлялся данный текст. Такой позиции придерживался И. Зингер, напомнивший мне в личном сообщении о вероятности арцавского контроля над Нижней страной в середине XIV в. до н.э., когда западный противник Хаттусы «сделал Тувануву (классическую Тиану) и Уду (классическую Гиду) своей границей»⁷⁹. Однако даже для этого периода нельзя принять полную идентификацию Лувии с Арцавой, поскольку этот подход не позволяет объяснить, почему термин Лувия сохраняется в оставшейся части КВо 6.3 (i 11, 53, 59) и замещается Арцавой только в рассмотренном выше контексте. Скорее всего, мы имеем дело с попыткой толкования термина Лувия отдельным писцом в тот период, когда данный термин уже вышел из употребления. Увидев, что незнакомый топоним Лувия встречается в древнехеттском оригинале достаточно часто, писец отказался от его дальнейшего редактирования⁸⁰. Личная интерпретация писца КВо 6.3, причем не проведенная последовательно, не должна служить основанием для далеко идущих выводов современных историков.

Процесс модификации хеттских текстов в целях политической целесообразности может быть проиллюстрирован следующими дополнительными примерами:

- (12) KUB 24.4 + 30.12 obv. 16–17, СТН 376.C (MS)⁸¹
 nu kuriwanas KUR.KUR-TIM^{URU} kue arahzanda / Hurlas KUR-e
 KUR URU^{URU}KIZZUWATNI^{KUR URU}ARZAUWA nu hūmanza sullē[t]
 «Непокорные страны, которые вокруг, – страна хурритов,
 Кищувадна и Арцава – каждая обнаглела».
- (13) KUB 24.3 ii 26-28 СТН 376.A (NS)
 nu kuriwana[s KUR.KUR-TIM^{URU} kue] arahzanda^{KUR URU} MITTANNI^{KUR URU}
 KUR URU^{URU}[ARZAUWA] nu hūmanza sullēt
 «Непокорные страны, которые вокруг, – Митанни и Арцава –
 каждая обнаглела».

⁷⁷ Hoffner 1997, 30.

⁷⁸ Hoffner 1997, 171.

⁷⁹ КВо 6.28 obv. 8–9 согласно Bryce 2003, 56.

⁸⁰ Yakubovich 2013, 113.

⁸¹ Этот и последующие три примера содержатся в издании текста Lebrun 1980, 161. Относительно перевода *sullē*- как «обнаглеть» см. Melchert 2004.

- (14) KUB 24.4 + 30.12 obv. 21-22, СТН 376.С (MS)
 [n]u=ssan hinkan kūrur kāstan ANA^{KUR URU}MITTANNI
 [ANA]^{KUR URU}KIZZUWATNI Û ANA^{KUR URU}ARZAUWA tarnatten.
 «Выпустите мор, войну (и) голод на Митанни, Киццувадну и Арцаву»!
- (15) KUB 24.3 ii 32-34 СТН 376.А (NS)
 nu=ssan hinkan kurur gastan idālun tapassan ANA^{KUR URU}MITTANNI
 Û ANA^{URU}ARZAUWA tarnatten.
 «Выпустите мор, войну, голод и злую эпидемию на Митанни и Арцаву»!

Фразы 12 и 14 взяты из среднешеттской версии молитвы в честь богини солнца города Аринны, в то время как предложения 13 и 15 извлечены из адаптации той же молитвы, приписываемой Мурсили II. Известно, что царство Митанни занимало значительную часть хурритских земель, и, следовательно, те авторы, которые придерживаются взгляда о том, что обозначения Лувия и Арцава указывают на одну географическую область, могли бы использовать замещение *Hurlas KUR-e* в примере 12 на *KUR^{URU}MITTANNI* в примере 13 как типологическую параллель. Однако стоит отметить, что *KUR^{URU}MITTANNI* появляется уже в пассаже 14, записанном среднешеттским пошибом, так что в этом случае процесс редактирования привел к унификации географической терминологии. В противоположность этому устранение *KUR^{URU}KIZZUWATNI*, зафиксированного в примере 15 и реконструируемого для примера 13, должно было иметь политическую мотивацию. Ко времени создания первой версии молитвы княжество Киццувадна, возможно, было вассалом Митанни, а в период, прошедший между компиляцией первой и второй версий, произошла его полная интеграция в империю Хаттусы. В этих условиях упоминание Киццувадны среди противников Хаттусы было бы политически некорректным утверждением, и поэтому новый редактор молитвы убрал Киццувадну из списка.

Можно согласиться, что молитва как жанр сильнее подвержена редакционным вариациям, чем свод законов. Тем не менее имеется достаточное число случаев, когда версия хеттских законов, относящаяся к XIV в. до н.э., демонстрирует подлинные инновации в сравнении с предшествующей версией древнешеттского периода. Так, КВо 6.2 ii 6 содержит условие: «Если пастух [возьмет] свободную женщину (в жены), она станет рабыней на три года». Соответствующий отрывок КВо 6.3 ii 25–26 характеризуется другим условием: «Если надсмотрщик или пастух сбежит со свободной женщиной, не уплатив за нее калым, она станет рабыней на три года»⁸². Причина изменения становится понятной, если рассмотреть предшествующую статью КВо 6.3 ii 23–24, охраняющую социальный статус законной жены в смешанном браке и не имеющую аналога в КВо 6.2⁸³. Если древний редактор текста КВо 6.3 был уполномочен изменить букву и дух законов в тех случаях, где их изначальный смысл был вполне понятен, то нельзя отвергнуть возможность его вмешательства с целью прояснения темного слова⁸⁴.

⁸² Hoffner 1997, 43.

⁸³ Hoffner 1997, 42.

⁸⁴ Ср. далее так называемую «параллельную версию» Хеттских законов (КВо 6.4), содержащую существенные инновации почти в каждой юридической клаузе и снабженную отдельным переводом в издании Hoffner 1997. Редакция этого новохеттского текста должна быть отнесена к более позднему времени, чем редакция текста КВо 6.3.

Далее следует упомянуть недавнюю попытку обнаружить обозначение Лувии в египетской передаче, Два египтолога, Х. Сурузян и Р. Штадельман, как они утверждают, обнаружили этот топоним во фрагменте на камне, который изначально относился к подиуму огромной статуи Аменхотепа III («Колоссы Мемнона») ⁸⁵. Этот подиум содержал перечень иностранных земель, которые якобы признавали свое подчиненное положение по отношению к египетскому фараону. Вероятнее всего, Аменхотеп III мог быть осведомлен о существовании Лувии, если этот регион имел доступ к морю. Таким образом гипотеза Сурузяна и Штадельмана более совместима с идентификацией Лувии с Арцавой, чем с центральноанатолийской локализацией Лувии. К сожалению, фотография данного фрагмента, включенная в обсуждаемую публикацию, по-видимому, ставит под сомнение ее смелые выводы. Рассматриваемый топоним, записанный квазисиллабической транслитерацией, известной как «групповое письмо» и обычно использовавшейся в египетских текстах для передачи иностранных слов, может быть представлен как *ra-[?]a₂-wa-na*. Хотя сочетание <ga> могло окказионально использоваться со значением <ru_x>, нет свидетельств того, что значение <[?]u_x> когда-либо приписывалось <[?]a₂> ⁸⁶. Таким образом, невозможно согласиться с утверждением, что эта форма «читается *r/lawana* или *r/luwana* и может представлять из себя первую форму записи все еще загадочного народа лувийцев» ⁸⁷. Только первое из двух чтений представляется вероятным и, учитывая, что происхождение расширителя *-na* остается неясным в рамках предложенной гипотезы, требуется очень богатое воображение, чтобы полагать, что форма *ra-[?]a₂-wa-na* имеет что-либо общее с Лувией ⁸⁸.

Попытка обнаружить обозначение Лувии в микенских источниках также не представляется убедительной. Видмер интерпретировал мик. *ru-wa-ni-yo* (KN X 7706+8108) как этноним, производный от **Luwano-* «Лувия» ⁸⁹. Контекст фрагментарной Кносской таблички не способствует этому заключению, всецело опирающемуся на сравнение с мнимым **r/luwana* из публикации Сурузяна и Штадельмана. Если признать, что идентификация египетского *ra-[?]a₂-wa-na* с Лувией является безосновательной, то гипотеза Видмера также должна быть отвергнута. В чисто формальном плане большего внимания заслуживает сопоставление Видмером мик. *ru-wa-ni-yo* с хеттским географическим обозначением ^{URU}*LU-WA-NA^{K1}*, которое относится к городу, расположенному на границе царства Хаттусы и Кищувадны ⁹⁰. Однако географическая и культурная дистанция между микенским Критом и Центральной Анатолией делает эту последнюю идентификацию также недостоверной. Значение и этимология мик. *ru-wa-ni-yo* остаются неясными.

Наконец, еще одна попытка локализации Лувии на западе Анатолии связана с историей Лидийского царства. Лидийский язык относится к анатолийской семье, но при этом не характеризуется типичными инновациями лувической подгруппы ⁹¹.

⁸⁵ Sourouzian, Stadelmann 2005.

⁸⁶ Hoch 1994, 506, 509.

⁸⁷ Так Sourouzian, Stadelmann 2005, 82.

⁸⁸ Я благодарен проф. Дж. Джонсон (Университет Чикаго) за консультацию по чтению этой египетской формы.

⁸⁹ Widmer 2006.

⁹⁰ del Monte, Tischler 1978, 252.

⁹¹ Термин «лувический» (Luvic) был введен в научный обиход Мелчертом для обозначения подгруппы анатолийских языков, включающей в себя лувийский и близкородственные ему языки: ликийский, милийский и карийский языки (Melchert 2003, 177, прим. 7). Принадлежность сидетского и писидийского языков к лувической группе остается спорной ввиду малого объема их корпусов.

Следовательно, сторонники языкового доминирования лувийцев в западной части Малой Азии в период бронзового века должны предполагать лидийские миграции в конце II или начале I тыс. до н.э. Как уже упоминалось выше, на данный момент нет ни одного исторического описания подобных миграций, а археологические аргументы в их поддержку, по-видимому, также отсутствуют. Тем не менее в защиту данной гипотезы были представлены филологические аргументы.

Наиболее цитируемый из этих аргументов связан с этимологией географического обозначения Лидии, почти одновременно предложенной Бекесом, Жераром и Видмером⁹². Жерар и Видмер утверждают, а Бекес подразумевает, что исконное обозначение страны было **lūda*, в то время как Лидия может рассматриваться как адаптация этого обозначения в греческом окружении, подобно тому как Ликия представляет собой адаптированную форму анатолийского топонима периода бронзового века *Lukka*. Все три автора опираются на лидийский фонетический закон $y > d / \{V, \#\}_V$ ⁹³, что позволяет им реконструировать **lūda* < **lūya*- (Жерар) или **lūda* < **luwida*- < **luwiya*- (Бекес) для праидийского (Видмер допускает обе возможности). Единственное различие между двумя производными формами касается относительной хронологии консонантной фортиции и синкопы. Авторы идентифицируют реконструированную праформу **lūya*- (Жерар) или **luwiya*- (Бекес) с топонимом *Lu(wi)ya*, зафиксированным в древнехеттских законах.

Ван ден Хаут и Мелчерт представили независимые аргументы в пользу ранней датировки фонетического перехода $y > d$ ⁹⁴. Ван ден Хаут предположил, что конечная стадия этого перехода отражена в западноанатолийском топониме *Maddun(n)-as(s)a*, а также в западноанатолийских личных именах *Mad(d)un-āni* и (менее вероятно) *Maddu-watta*, которые все засвидетельствованы в хеттских источниках. Форма того же корня без фонетического перехода, возможно, сохранилась в греческой передаче как *Μηρον-* / *Μαρον-*, из чего произведено обозначение страны Меония. Мелчерт объяснил микен. *mo-ri-wo-do* «свинец»⁹⁵ и греч. *μόλυβδος* «свинец» как заимствования из лид. **marwiya*- > **marwida*- > **mariwda*- (vel sim.) «черный (металл)». Имеющие ключевое значение промежуточные стадии не засвидетельствованы в обоих случаях, и, следовательно, ни одна из двух этимологий не является полностью убедительной, но фонетически они совместимы друг с другом. Если принять их как рабочие гипотезы, то это бы означало, что переход $y > d$ должен был произойти ранее конца бронзового века, и, следовательно, заимствование географического обозначения *Lu(wi)ya* в лидийский должно быть отнесено к еще более ранней эпохе. Подобное заключение также следует из того факта, что топоним Лувия вышел из употребления после древнехеттского периода.

В противоположность этому топоним Лидия или его когнат, по-видимому, не встречаются в исторических источниках, датированных ранее VII в. до н.э. В «Илиаде» карийцы упоминаются дважды, меонийцы – 3, мизийцы – 5, пеонийцы – 7, пафлагонцы – 4, фракийцы – 17 раз, ликийцы – 49 раз, но лидийцы – ни разу⁹⁶. Геродот (7.74) и Страбон (например, 13.1.8) открыто говорят о том, что лидийцы ранее назывались меонийцами. Возникновение обозначения Лидии совпадает по времени с политическими событиями, которые привели к власти династию Мерм-

⁹² Beekes 2003a, Gérard 2004, Widmer 2004.

⁹³ См. об этом законе Melchert 1994, 364, там же ссылки.

⁹⁴ Van den Hout 2003, Melchert 2008.

⁹⁵ Казанскене, Казанский 1986, 66.

⁹⁶ Гиндин, Цымбурский 1996, 229–230.

надов в этом регионе. Надписи Ашурбанипала упоминают союз, заключенный этим ассирийским царем VII в. до н.э. с *Gu(g)gu*, царем *Luddi*, который может быть надежно идентифицирован с Гигом, царем лидийцев⁹⁷. Случаи употребления топонима Лидия в греческих источниках отмечаются начиная с Алкея и Сафо в конце VII в. до н.э.⁹⁸

Другой примечательный факт, касающийся этого топонима, заключается в том, что он полностью отсутствует в местных лидийских надписях, в отличие от засвидетельствованных форм *śfard(V)*- «сардиец» и *śfardēt*- «сардийский»⁹⁹. Отсутствие свидетельств не означает свидетельство отсутствия, и в этом случае нельзя исключить возможности того, что обозначение Лидии лишь по воле случая не появляется в лидийских текстах. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении данные вызывают образ определенной этнической или социальной группы **huda-*, которая заняла властные позиции в Сардах вместе с династией Мермнадов и название которой было впоследствии реинтерпретировано в иностранном окружении как более общий этноним *luddu-* / *Λύδοι*¹⁰⁰. В любом случае промежуток в тысячу лет между фиксациями Лувии и Лидии, в сочетании с доказуемым архаичным характером первого термина и инновативным характером второго, ставит под сомнение важность этого сопоставления для реконструкции этнолингвистической ситуации II тыс. до н.э.¹⁰¹

Другой филологический аргумент в поддержку лидийских миграций из северо-западной Анатолии исходит из того, что ранняя лидийская история передана в замаскированном виде как история мизийцев, которые были северными соседями лидийцев в классический период¹⁰². Страбон (12.8.3) обсуждает древнее предание, согласно которому мизийцы имели лидийское происхождение, и приписывает этот взгляд Ксанфу Лидийскому и Менекрату Элейскому. Он добавляет, что мизийский язык представляет собой смесь лидийского и фригийского, и помещает прародину мизийцев в область вокруг горы Олимп на северо-западе Анатолии. Последующие мизийские миграции к истоку реки Кайкос связаны, согласно Страбону, с фригийским вторжением в Малую Азию.

Ряд ономастических сопоставлений придают частичную поддержку связи между мизийским и лидийским языками. Так, *Δάσκυλος* (Даскил), имя отца Гига, согласно Геродоту (1.8) и Николаю Дамасскому (90), сравнивалось с топонимом *Δασκύλειον*

⁹⁷ Pedley 1972, 82–83, там же ссылки.

⁹⁸ В библейском описании упоминается *lwd* как один из сыновей Шема (Бытие 10.22). Однако, как хорошо известно, окончательная редакция Перечня народов в Книге Бытия 10 не могла быть завершена ранее 650 г. до н.э., поскольку в ней упоминаются *gmr* «киммерийцы» и *śknz* (неправильная запись вместо **śkwz*) «скифы», две этнические группы, которые вторглись на территорию Ближнего Востока в разные периоды VII в. до н.э.

⁹⁹ Gusmani 1964, 202–203.

¹⁰⁰ Данный сценарий совместим с традиционным сопоставлением между *luddu-* / *Λύδοι*, лат. *liber* «свободный», греч. *ἐλεύθερος* «свободный», др.-верх.-нем. *liut* «люди» (ср. Gérard 2004, 129–130). Главная проблема этой этимологии заключается в отсутствии внутрианатолийского сравнительного материала.

¹⁰¹ Коль скоро фонетические соответствия между *Lu(wi)ya* и **lūda* являются регулярными, данное лингвистическое сопоставление невозможно отвергнуть на формальном основании. Можно предположить, например, что группа лувийцев, переселившихся из Лувии в Арцаву, сохранила свою этническую, но не языковую, идентичность и впоследствии добилась высокого положения. Но не менее правдоподобной выглядит и гипотеза о случайном сходстве двух топонимов, поддержанная в работе Hawkins 2013.

¹⁰² Beekes 2003b, 13–15.

(Даскилеон), который несколько раз встречается на северо-западе Малой Азии и может также отражать дофригийский пласт топонимики. Фригийская надпись, найденная в Даскилеоне, на южном берегу Мраморного моря, упоминает человека по имени Манес¹⁰³. Идентичное имя обнаруживается в нескольких лидийских надписях¹⁰⁴. Эти и другие факты подтолкнули Г. Нойманна к заключению, что «также к северу от Лидии, в Мизии и далее, пожалуй, в Троаде господствовал лидийский или близкородственный ему анатолийский диалект вплоть до вторжения фригийцев и других этнических групп, проникших с Балкан»¹⁰⁵. Пока знание мизийского языка ограничено некоторым количеством личных имен, зафиксированных в греческой передаче, эта гипотеза не может считаться доказанной, но свидетельство Страбона, вероятно, следует отдать предпочтение за неимением доказательств противного.

К тому же имеется аргумент в пользу того, что мизийцы обладали влиянием в регионе, где позднее было образовано Лидийское царство. Яр(и)ри, лувийский правитель Каркемиша, перечисляет *mu-sá-za* (мизийцев), *mu-sá-ka-za* (мушек / фригийцев) и *su+ra/i-za* (жителей Табала?) в качестве анатолийских народов, среди которых прославлено его имя¹⁰⁶. Если допустить, что он перечислил основные анатолийские державы в направлении с запада на восток, то Мизия представляется крупнейшим западноанатолийским политическим образованием того времени. Имеется соблазн отождествить правителей этого государства с династией «Гераклидов», правившей в Сардах в течение 505 лет, пока, согласно Геродоту (1.7), к власти не пришли Мермнады. Переворот Мермнадов, возможно, привел к власти в Сардах лидийцев, хотя Страбон (13.4.5) утверждает, что группы людей, называвших себя мизийцами, продолжали заселять окрестности этого города вплоть до римской эпохи.

В противоположность этому, нет абсолютно никаких оснований считать, что упоминание миграций мизийцев Страбоном в действительности подразумевает ранние этнические передвижения лидийцев. С логической точки зрения возможно в равной мере и то, что две родственные этнические группы, «протолидийцы» и «протомизийцы», изначально заселяли территории по соседству с западной и северо-западной частями Малой Азии соответственно. События начала железного века поставили мизийцев под владычество фригийцев и поселили их в той части территории, которая исконно была заселена «протолидийцами». Тем не менее греческие историки и географы последовательно различают эти две этнические группы, в то время как традиция, представленная у Страбона (12.8.3), не идет дальше утверждения об общем происхождении этих двух народов в далекой древности, и даже это дается в виде анекдота, который не одобряется самим Страбоном¹⁰⁷. Греческие

¹⁰³ Beekes 2003b, 19.

¹⁰⁴ Gusmani 1964, 163. Однако стоит отметить, что имя Манес также засвидетельствовано в карийской передаче (Adiego 2007, 381).

¹⁰⁵ Neumann 1999.

¹⁰⁶ Hawkins 2000, I, 124. Относительно интерпретации последнего топонима см. Simon 2012.

¹⁰⁷ Ссылаясь на этноним *mu-sá-za* в упомянутой выше надписи Яр(и)ри, Штарке утверждает, что «идентификация *Musazza*- с лидийским языком, чье туземное лидийское наименование, впрочем, все еще неизвестно, выглядит весьма правдоподобным» (Starke 1997, 384). Однако *Mu-sá-za* не является названием языка, но, скорее, обозначением народа, известного в греческих источниках как мизийцы. Генетическая идентификация их языка – это в любом случае отдельная проблема.

авторы, признающие, что имя лидийцев является инновацией, утверждают, что ранее они назывались меонийцами, как это делает и сам Страбон (13.1.8, 13.4.5). Уже упоминалось, что и меонийцы, и мизийцы появляются в «Илиаде», причем без ссылок на то, что их имена обозначают одну и ту же этническую группу.

Аргумент в пользу миграций меонийцев к югу также не выдерживает критики. Бекес попытался вернуться к старому сопоставлению Меонии со страной бронзового века под названием *Mā(s)sa*¹⁰⁸. Он предлагает рассматривать *Mā-(s)sa* как топоним на *-ssa*, подобный, например, *Tarhuntassa*, а также говорит о расположении этой страны на северо-западе Анатолии. Однако ни одно из этих утверждений не является в полной мере обоснованным. Сравнение между *Mā-(s)sa* и */Mā-jones/* покоится на сходстве начальных двуфонемных сочетаний, при этом детали морфологической деривации греческой формы остаются неясными. Вариант *Māsa* встречается значительно чаще, чем *Māssa*, и, следовательно, он вряд ли может рассматриваться как упрощенное написание последнего. Если уж отстаивать гипотезу о связи данного топонима с меонийцами, то правдоподобней выглядела бы деривация последних из прилагательного **masa-wann(i)-*, предложенная Хокинсом¹⁰⁹. Впрочем, последняя интерпретация, как отмечает и сам Хокинс, является чисто спекулятивной, опираясь на неподтвержденное выпадение **s*. Точная идентификация расположения страны Маса также остается предметом дебатов, при этом равное число аргументов говорят в пользу северо-западной и юго-западной частей Малой Азии¹¹⁰.

Бекес в эксплицитном виде выразил мотивацию своих рассуждений, написав: «В последние годы установилось мнение, что на западе Малой Азии в хеттское время говорили на лувийском языке... Конечно, в связи с этим встает вопрос о том, где находились носители лидийского языка»¹¹¹. Если признать, что исходное допущение Бекеса не поддерживается эмпирическими свидетельствами, то больше нет необходимости искать ответ на поставленный им вопрос. К проблеме локализации Лувии и распространения лувийского языка следует подходить на основании комплексного анализа первичных источников, приближенных к исторической Лувии в пространстве и во времени, а не изолированных сравнений, относящихся к регионам и эпохам, для которых в принципе сложно предположить знакомство с локализацией Лувии.

Литература

1. Баюн Л.С. 2007: Этнокультурные контакты в древней Малой Азии: Фригия, юго-восточная Анатолия, северная Месопотамия // ВДИ. № 4, 156–162.
2. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. 1996: Гомер и история восточного Средиземноморья. М.
3. Георгадзе Г.Г. 2000: Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // История Востока. Т. 1. Восток в древности / В.А. Яacobson (ред.). М., 113–127.
4. Дьяконов И.М. 1968: Предыстория армянского народа. Ереван.
5. Казанскене В.П., Казанский Н.Н. 1986: Предметно-понятийный словарь греческого языка: крито-микенский период. Л.
6. Шелестин В.Ю. 2012: Паритетные договоры царей Киццувадны // Письменные памятники Востока. Вып. 17, 156–182.

¹⁰⁸ Beekes 2003b, 10–13. Относительно вариантов написания *Mā(s)sa* см. del Monte, Tischler 1978, 265.

¹⁰⁹ Hawkins 2013, 10.

¹¹⁰ Hawkins 1998, 29–30.

¹¹¹ Beekes 2003b, 10.

7. Шелестин В.Ю. 2014: Внешняя политика хеттского государства от Мурсила I до Муваталли I. Дисс. ... канд. ист. наук.
8. Якубович И.С. 2013: Лувийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / Ю.Б. Коряков и др. (ред.). М., 109–136.
9. Якубович И.С. 2014: К происхождению рефлексивных клитик в анатолийских языках // Вопросы языкового родства. 12, 73–111.
10. Adiego Lajara I.-J. 2001: Lenición e acento en protoanatolico // Anatolisch und Indogermanisch: Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft. Pavia, 22.–25. September 1998 / O. Carruba, W. Meid (eds.). Innsbruck, 11–18.
11. Adiego Lajara I.-J. 2007: The Carian Language (HdO. 1/86). Leiden.
12. Alp S. 1997: Die Mehrheit der Einheimischen Bevölkerung in der Kärüm-zeit in Kaneš-Nesa // SMEA. 39(1), 35–48.
13. Barjamovic G. 2011: A Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period. Copenhagen.
14. Bawanypeck D. 2013: ‘Luwian’ Religious Texts in the Archives of Hattusa // Luwian Identities: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean / A. Mouton et al. (eds.). Leiden, 159–176.
15. Beekes R.S. 2003a: Luwians and Lydians // Kadmos. 42, 47–49.
16. Beekes R.S. 2003b: The Origin of the Etruscans. Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen (Mededelingen van de Afdeling Letterkunde (Nieuwe Reeks) 66/1). Amsterdam.
17. Bossert H. 1944. Ein hethitisches Königssiegel. Neue Beiträge zur Geschichte und Entzifferung der hethitischen Hieroglyphenschrift. B.
18. Bryce T. 2003: History // H.C. Melchert (ed.). The Luwians (HdO. 1/68). Leiden, 27–127.
19. Bryce T. 2005: The Kingdom of the Hittites. Oxf.
20. Dercksen J.G. 2007: On Anatolian Loanwords in Old Hittite Texts from Kültepe // Zeitschrift für Assyriologie. 97/1, 26–46.
21. Forlanini M. 2007: The Offering List KBo 4.13 (I 17’–48’) to the Local Gods of the Kingdom, Known as “Sacrifice List”, and the History of the Formation of the Early Hittite State and its Initial Growing beyond Central Anatolia // SMEA. 49, 259–279.
22. Garelli P. 1963: Les assyriens en Cappadoce. P.
23. Gérard R. 2004 : Quelques remarques autour de *y > lydien d // Res Antiquae 1, 125–131.
24. Gorbachov Y. 2008: Nine observations on the Old Phrygian inscription from Vezirhan // Kadmos. 47, 91–108.
25. Gusmani R. 1964. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg.
26. Güterbock H.G., van den Hout Th. 1991: The Hittite Instruction for the Royal Bodyguard. Chicago.
27. Haas V. 1994: Geschichte der hethitischen Religion (HdO. 1/15). Leiden.
28. Haas V., Wilhelm G. 1974: Hurritische und Luwische Riten aus Kizzuwatna (AOAT Suppl. 3). Neukirchen–Vluyt.
29. Hawkins J. D. 1998: Tarkasnawa King of Mira, ‘Tarkondemos’, Boğazköy sealings and Karabel // Anatolian Studies. 48, 1–31.
30. Hawkins J. D. 2000: Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I. Pt. I, II: Texts; Pt. III: Plates. B.–N.Y.
31. Hawkins J. D. 2013: Review of Yakubovich 2010 // Kadmos. 52/1, 1–18.
32. Hoch J. E. 1994: Semitic Words in Egyptian texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period. Princeton.
33. van den Hout Th. 2003: Maeonien and Maddunašša: zur Frühgeschichte des Lydischen // Licia e Lidia prima dell’ellenizzazione: atti del Convegno internazionale (Roma, 11–12 ottobre 1999) / M. Giorgieri et al. (eds). Rome, 301–310.
34. van den Hout Th. 2006: Institutions, Vernaculars, Publics: the Case of Second–Millenium Anatolia // Margins of Writing, Origins of Cultures / S. Sanders (ed.). Chicago, 217–256.
35. Hoffner H. 1997: The Laws of the Hittites: a Critical Edition (DMOA 23). Leiden.
36. Hoffner H. 2002: Some Thoughts on Merchants and Trade in the Hittite Kingdom // Kulturgeschichten: Altorientalische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag / Th. Richter et al. (eds.). Saarbrücken, 179–189.
37. Hutter M. 2003: Aspects of Luwian Religion // H.C. Melchert (ed.). The Luwians (HdO. 1/68) / Leiden, 212–280.
38. Kammenhuber A. 1961: Hippologia Hethitica. Wiesbaden.
39. Klinger J. 1996: Untersuchungen zur Rekonstruktion der hattischen Kultschicht (StBoT. 37). Wiesbaden.
40. Larsen M.T. 2002: The Aššur-Nādā Archive (PIHANS 96). Istanbul.

41. *Lebrun R.* 1980: Hymnes et prières hittites. Louvain-la-Neuve.
42. *Lubotsky A.* 1998: New Phrygian Metrics and the $\delta\epsilon\omega\varsigma$ ζεμελως Formula // *Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins / J. Jasanoff et al. (eds.)*. Innsbruck, 413–421.
43. *de Martino S.* 2003: Annali e Res Gestae antice itititae (Studia Mediterranea, 12). Pavia.
44. *Mellaart J.* 1981: Anatolia and the Indo-Europeans // *JIES*. 9, 135–149.
45. *Melchert H.C.* 1994: Anatolian Historical Phonology. Amsterdam.
46. *Melchert H.C.* 2003: Language // *H.C. Melchert (ed.)*. The Luwians (HdO. 1/68). Leiden, 170–210.
47. *Melchert H.C.* 2004: Latin *īnsolēscō*, Hittite *šulleš-*, and PIE statives in **-ē-* // *Hṛdā mānasā: Studies Presented to Professor Leonard G. Gerzenberg on the Occasion of his 70-birthday / N.N. Kazanskiy (ed.)*. Saint-Petersburg, 90–98.
48. *Melchert H.C.* 2005: The Problem of Luvian Influence on Hittite // *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17–23. September 2000, Halle an der Saale / G. Meiser, O. Hackstein (eds.)*. Wiesbaden, 445–459.
49. *Melchert H.C.* 2008: Greek *mōlybdos* as a Loanword from Lydian // *Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and Their Neighbors in Ancient Anatolia / B.J. Collins et al. (eds.)*. Oxf., 153–157.
50. *Melchert H.C.* 2013: Luvian Language in “Luvian” Rituals in Hattuša // *Beyond Hatti: A Tribute to Gary Beckman / B.-J. Collins and P. Michalowski (eds.)*. Atlanta, 159–172.
51. *Melchert H.C.* 2015: Reciprocity and Commerce in Bronze and Iron Age Anatolia // *Tradition and Innovation in the Ancient Near East: Proceedings of the 57th Rencontre Assyriologique Internationale at Rome, 4–8 July 2011 / A. Archi (ed.)*. Winona Lake, IN, 409–416.
52. *Miller J.* 2001: Anum-Khirbi and his Kingdom // *Altorientalische Forschungen*. 28, 65–101.
53. *Miller J.* 2004: Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals (StBoT. 46). Wiesbaden.
54. *del Monte G.F., Tischler J.* 1978: Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte (RGTC VI). Wiesbaden.
55. *Neumann G.* 1999: Wie haben die Troer im 13. Jahrhundert gesprochen? // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft, Neue Folge*. 23, 15–23.
56. *Oettinger N.* 1976: Die Militärischen Eide der Hethiter (StBoT. 22). Wiesbaden.
57. *Oreshko R.* 2013: Hieroglyphic Inscriptions of Western Anatolia: Long Arm of the Empire or Vernacular Traditions // *Luvian Identities: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean / A. Mouton et al. (eds.)*. Leiden, 343–420.
58. *Pedley J. G.* 1972: Ancient Literary Sources on Sardis. Archaeological Exploration of Sardis 2. Camb. (MA).
59. *Rosenkranz B.* 1954: Luwisch und “anatolische” Sprachen // *Forschungen und Fortschritte*. 28, 308–312.
60. *Sari D.* 2013: The Cultural Development of Western Anatolia in the Third and Second Millennium BC and its Relationship with Migration Theories // *Luvian Identities: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean / A. Mouton et al. (eds.)*. Leiden, 305–328.
61. *Simon Zs.* 2012: Where is the Land of Sura of the Hieroglyphic Luwian Inscription KARKAMIŠ A4b and Why Were Cappadocians Called Syrians by the Greeks // *Altorientalische Forschungen*. 39/1, 167–180.
62. *Singer I.* 1981: Hittites and Hattians in Anatolia at the beginning of the Second Millennium B.C. // *JIES*. 9, 119–132.
63. *Singer I.* 2005: On Luwians and Hittites // *Bibliotheca Orientalis*. 62, 430–451.
64. *Sourouzian H., Stadelmann R.* 2005: Die ältesten Erwähnungen von Ioniern und Danaern // *Antike Welt*. 36(6), 79–83.
65. *Starke F.* 1985: Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift (StBoT. 30). Wiesbaden.
66. *Starke F.* 1997: Sprachen und Schriften in Karkamis // *Ana šadī Labnāni lū allik*: Beiträge zu altorientalischen und mittelmeerischen Kulturen; Festschrift für Wolfgang Röllig (AOAT 247) / *B. Pongratz-Leisten et al. (eds.)*. Neukirchen-Vluyn, 380–395.
67. *Taracha P.* 2006: Mycenaean in Anatolia and Ahhiyawa of Hittite Texts: a Reassessment // *Archeologia*. 57, 143–149.
68. *Watkins C.* 2004: Hittite // *The Cambridge Encyclopedia of the World’s Ancient Languages / R. D. Woodard (ed.)*. Camb., 551–575.
69. *Weeden M.* 2011: Hittite Logograms and Hittite Scholarship (StBoT. 54). Wiesbaden.
70. *Widmer P.* 2004: Λυδία: Ein Toponym zwischen Orient und Okzident // *Historische Sprachforschung*. 117(2), 197–203.
71. *Widmer P.* 2006: Mykenisch *ru-wa-ni-jo* ‘Luwier’ // *Kadmos*. 45, 82–84.
72. *Yakubovich I.* 2010: Sociolinguistics of the Luwian Language. (BSIEL 2). Leiden.

73. *Yakubovich I.* 2013: Anatolian Names in *-wiya* and the Structure of Empire Luwian Onomastics // Luwian Identities: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean / A. Mouton et al. (eds.). Leiden, 87–123.
74. *Yakubovich I.* 2014: From Lower Land to Cappadocia // Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper / M. Kozuh et al. (eds.). Chicago, 347–352.

IN SEARCH OF LUWIYA, THE ORIGINAL LUWIAN-SPEAKING AREA

Ilya S. Yakubovich

Luwia is known from the Old Hittite Laws as a part of the Kingdom of Hattusa, whose population enjoyed less legal protection than the Hittites. Given that this toponym provides a derivational basis for the designation of the Luwian language, it is likely to refer to the homeland of the Luwians. Using the method of exclusion, the author endeavoured to identify Luwiya among all the regions associated with Luwian speakers in the Late Bronze Age. The western part of the Central Anatolian Plateau, known as the Lower Land from the Late Hittite sources, emerges as the most likely candidate. The paper advances arguments against the popular identification of Luwiya with Arzawa, a region adjacent to the Aegean coast of Asia Minor. On the methodological level, the author has attempted to demonstrate the necessity to tackle this problem on the basis of a holistic analysis of primary sources, as opposed to their interpretation in subsequent tradition.

Keywords: Luwiya, Arzawa, Kizzuwadna, Kingdom of Hattusa, Lower Land, Luwian language, Hittite language.

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
sogdiana783@gmail.com